

ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ УКРАИНЫ И РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

П.А. Молочко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича, г. Черновцы, Украина

Политический процесс в Украине, а также в России, в последние годы характеризуется противоречивыми проявлениями, что в первую очередь связано с продолжением процесса становления новых политических систем. Важным аспектом в процессе демократизации общественной жизни являются партийные системы Украины и России. Однако формирование партийных систем происходит в условиях кризиса общественных идеалов, который приводит к резкому повышению социальной напряженности, девальвации в глазах значительной части населения демократических ценностей, равнодушия большинства населения к политике и политикам.

Целью статьи является изучение особенностей развития и функционирования партийных систем Украины и России после проведения парламентских выборов 2007 г., проводившихся в этих государствах. Автор ставит перед собой задачу раскрыть общие тенденции в развитии партийных систем после проведения первых парламентских выборов с использованием пропорциональной избирательной системы. Также автор выдвигает научную гипотезу о том, что ставшие почти классическими законы М. Дюверже о взаимосвязи партийной и избирательной систем, в условиях российской и украинского электорального пространства не срабатывают.

На сегодняшний день в Украине сформировалась довольно своеобразная политическая система со специфическим характером организации государственной власти. Политическая система Украины достаточно серьезно отличается как от российской, так и от других постсоциалистических систем; а также от политических систем стран, которые традиционно считаются странами западной демократии. Этой специфической системе государственно-политического устройства отвечает и специфическая система политических партий. Она отличается в первую очередь большим количеством партий, разделением партий на основе личностных, регионально-этнических, финансово-экономических и других факторов. Сейчас в Министерстве юстиции Украины зарегистрировано 180 политических партий [2].

Несмотря на особенности государственно-политического устройства Украины, общим фактором, который влияет на формирование партийных систем России и Украины, являются особенности избирательной системы. В соответствии с Законом Украины «О выборах народных депутатов Украины» право на участие в разделе депутатских мандатов приобретают кандидаты в депутаты, включенные в избирательные списки партий (блоков), которые получили три и более процента голосов избирателей, принявших участие в голосовании. В Российской Федерации выборы проводятся также по пропорциональной системе, только, в отличие от Украины, к ним допускаются исключительно политические партии. Избирательный барьер в Украине на выборах Верховного Совета ниже, чем барьер, установленный в России, что в теории должно способствовать прохождению в украинский парламент более мелких партий.

Проведение парламентских выборов 2007 г. в Украине и в России на пропорциональной основе оказало существенное влияние на фрагментацию партийных систем этих стран. Согласно с результатами парламентских выборов в Государственную Думу РФ 2007 г., в парламент прошли представители только 4 политических партий. Но,

в отличие от результатов парламентских выборов 2003 г., когда в парламент по партийным спискам также прошли представители четырех партий и блоков, партиипобедители вместе получили более 91 % голосов избирателей.

По результатам выборов на пропорциональной основе показатель эффективного количества электоральных партий (ЭКЭП) для Российской Федерации составил 2,246.

По результатам украинских парламентских выборов в Верховный Совет прошли представители 5-ти партий (точнее 3-х блоков и 2-х партий), которые в сумме набрали 89% голосов избирателей, принявших участие в голосовании.

Для Украины, после выборов 2007 г., показатель ЭКЭП составил 4,18.

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что общей чертой для партийных систем Украины и России является уменьшение показателя индекса ЭКЭП в сравнении с предыдущими выборами. Отличием является то, что для России, с введением пропорциональной системы, этот показатель уменьшился практически вдвое – 2,246 в 2007 г. против 5,2 по результатам парламентских выборов 2003 г. В Украине показатель ЭКЭП с каждыми последующими выборами уменьшается менее стремительно – 4,18 в 2007 г. против 5,42 в 2006 г. и 7,76 в 2002 г.

Уменьшение показателя ЭКЭП в Украине и России при проведении выборов на пропорциональной основе указывает на общий для этих стран институциональный парадокс, который заключается в несоответствии результатов выборов институциональным эффектам, сформулированным в законах М. Дюверже о взаимосвязи избирательной и партийной систем. Иными словами, можно сказать, что в условиях российской, а также украинской политической действительности (несмотря на отличия между избирательными системами этих стран), эти законы не срабатывают, а вернее действуют с точностью «до наоборот»: С нашей точки зрения, такой парадоксальный результат для России может быть объяснен совокупностью следующих факторов: наличие высокого заградительного барьера, который сдерживает чрезмерную фрагментацию партийной системы; высокий и достаточно стабильный рейтинг партий-победителей в послевыборный период, по сравнению с аналогичными показателями проигравших политических партий; растущей устойчивостью партийной системы России, ведь по результатам парламентских выборов 2003 и 2007 гг. в парламент по партийным спискам проходят представители одних и тех же политических партий.

Что касается Украины, то переход к пропорциональному представительству в сочетании с высоким значением избирательного округа (для Украины, как и для России, избирательный округ имеет 450 депутатов) и понижением избирательного порога с 4% до 3% (а не 7% как в России) должен был способствовать прохождению в парламент мелких партий, а не сокращению количества эффективных партий. По мнению А. Фисуна и Т. Мосенцовой, такой парадокс можно объяснить политическими традициями, которые проявляются в идеологическом позиционировании партий в пределах предвыборной борьбы [5, с.53]. С нашей точки зрения, такой эффект в Украине можно объяснить еще и тем, что политические партии, а вместе с ними и парламентские выборы в Украине являются чересчур персонифицированными. Отдавая голоса за ту или иную политическую силу, большинство избирателей Украины голосуют не за саму партию и ее программу, а за лидера, который ее возглавляет. Свидетельством этого является наличие в парламенте двух именных блоков – «Блок Юлии Тимошенко» и «Блок Литвина». Что касается остальных партий, то и Партия Регионов и блок «Наша Украина – Народная самооборона» основную ставку во время избирательной кампании делали на своих лидеров – Виктора Януковича и Виктора Ющенко. В России ставку на использование такой тактики делает ЛДПР, которая получает места в парламенте благодаря персоне своего лидера Владимира Жириновского.

Еще одной общей чертой для результатов последних парламентских выборов в России и Украине стало то, что тут в полной мере срабатывают так называемые механический и психологический эффекты, о которых писал М. Дюверже. Причиной, по которой мелкие украинские партии (а в случае России можно говорить и о партиях средней величины) не преодолели избирательного порога, была боязнь избирателей, что их голос, отданный не за лидеров избирательной кампании, окажется утраченным. Из-за такой боязни избиратели были вынуждены прибегнуть к стратегическому голосованию, отдавая свой голос за менее привлекательную политическую силу, которая имела реальные шансы на прохождение в парламент. Свидетельством этого является то, что по результатам парламентских выборов 2007 г. партии и блоки, прошедшие в Верховный Совет Украины, в сумме набрали 89% голосов избирателей, принявших участие в голосовании, в то время как в 2006 г. эта цифра составила чуть более 77%.

Похожая ситуация наблюдалась и в России. Вследствие того, что партии, которые не были представлены в Госдуме 4-го созыва, не проводили активной агитационной работы, а их потенциальные избиратели осознавали, что у них нет шансов на преодоление 7% барьера и поэтому вынуждены были отдавать свои голоса потенциальным победителям. Свидетельством этого эффекта является то, что партии-победители набрали более 90% голосов избирателей, в то время как в 2003 г. – несколько более 70%.

Несмотря на схожие тенденции, главным результатом парламентских выборов 2007 г. для Украины и России стало обозначение дальнейшего вектора развития партийных систем этих стран. Результаты выборов Государственной Думы, зафиксировав уменьшение фрагментации партийной системы, также порождают новые проблемы, связанные с перспективой ее дальнейшего развития.

Действительно, на данный момент нет оснований утверждать, что пропорциональная система может создать дополнительные стимулы для партийного строительства: ни смешанная система (где пропорциональная составляющая доминировала), ни закон о партиях не смогли нейтрализовать действие объективных факторов, которые, в конечном счете, привели к отказу от партийной системы образца 1990-х гг. Другими словами, есть серьезные сомнения, что новый закон о выборах поможет достичь его главной, публично заявленной цели – становления полноценных партий. Сегодня наблюдается тенденция к становлению и укреплению партийной системы с доминирующей партией (свидетельством этого является резкое сокращение показателя ЭКЭП). Создание и становление во власти доминирующей партии, на которую опираются лидеры, делают Россию исключением на постсоветском пространстве, где подобные попытки создать такую партию не имели никакого успеха.

В. Гельман выделяет два основных тренда трансформации российской партийной системы. Это, прежде всего, возникающее доминирование партии власти на трех уровнях: парламентском, электоральном и, наконец, региональном. И второй, параллельно протекающий, хотя напрямую не связанный с этим тренд – это тренд резкого ослабления, или даже, вымирания, политической оппозиции в России; как левой, так и либеральной [3].

В то же время, главным итогом украинских парламентских выборов 2007 г., в отличие от последних парламентских выборов в России, стало избавление общества от политических иллюзий о том, что в Украине присутствует одна политическая сила, способная эффективно и самостоятельно руководить страной, которая могла бы стать единой руководящей и направляющей силой в обществе, выразителем идей всех избирателей, партийных и беспартийных жителей Запада и Востока, которая могла бы объединить идеологически разделенную страну [4].

После парламентских выборов 2007 г. многие эксперты заговорили о начале возможного формирования двухпартийной системы Украины. Исходя из анализа фрагментации партийной системы, и показателя ЭКЭП, который составляет для Украины 4,18, по нашему мнению, более вероятным является переход Украины к партийной системе ограниченного плюрализма. При такой системе в Украине вместе с двумя основными партиями или «партийными лагерями» будет существовать еще и «третья партия», которая будет выступать балансом между «оранжевыми» и «синими». Следует отметить, что речь идет именно о партийной системе ограниченного плюрализма, а не про так называемую «партийную систему двух с половиной партий». Ведь в теперешних условиях в роли третьей партии может выступить как «Блок Литвина», так и блок «Наша Украина – Народная самооборона», который теоретически может выбрать – сотрудничать ему с БЮТ или с Партией регионов.

Наличие двух влиятельных политических лагерей позволит «третьей партии» (или «третьим партиям») определять успех одной из двух политических сторон, а также контуры правительственной коалиции. Поэтому, несмотря на то, что «третья сила» по определению будет пользоваться поддержкой решительного меньшинства избирателей, ее значение при определенных условиях будет достаточно высоким. Несмотря на ее очевидную зависимую роль, она может влиять как на политику более крупной партии, так и на правительственные действия в целом.

Уменьшение фрагментации партийной системы на фоне увеличения значимости партийных организаций дает основания говорить о перспективах стабилизации украинской партийной системы. Пропорциональное представительство с закрытыми списками максимально ориентировано на партии, в отличие от систем ориентированных на конкретного кандидата. При этом каждая из партий, целью которых является представительство в парламенте, должна иметь весомую поддержку в обществе. Таким образом, для эффективной и демократической партийной конкуренции во время выборов с возможностью формирования дееспособного большинства в парламенте необходимым представляется укрупнение партий, постепенное исчезновение идеологически не определенных, исключительно конъюнктурных партийных проектов, а также повышение партийной дисциплины.

Основным последствием поляризации партийного пространства Украины стал провал центристских и «нишевых» партийных проектов. В партийной системе Украины центризм традиционно приравнивался к действующей власти и характеризовался идеологической неопределенностью. Четкое определение и противопоставление позиций касательно основных проблем государственной политики в последствии президентской кампании 2004 г. (а также в некоторой степени правоцентристская ориентация новой «партии власти») сделали «нейтральный» центризм и его идеологемы невостребованными преимущественной частью населения. Подобная поляризация предельно «сузила» центр партийной системы, вследствие чего неэффективными оказались проекты, позиционировавшие себя как «третья сила», а также те, которые пытались предложить действительно новые, причем содержательные идеи.

С технологической позиции избирательной борьбы это непосредственно влияло на мобилизацию избирателей. Объединение электората партий-лидеров происходило обратно пропорционально демобилизации симпатиков мелких партий, что усиливало мотивации стратегического голосования за «следующую по предпочтению партию» среди проходных. Подделанным оказался и электорат традиционных левых и правых партий, которых «поглотили» новые, более популистские партийные проекты. Таким образом, парламентские выборы 2007 г. в некоторой степени продемонстрировали исчерпанность резервов развития партийной системы Украины по посткоммунистической модели [5, с.54].

Таким образом, можно предположить, что спрос на укрупнение политических сил в Украине, сформированный не столько консолидирующими тенденциями как таковыми, сколько предельной поляризацией партийного пространства, а уменьшение количества «релевантных» партий не является следствием усиления партий как организаций после применения пропорциональной избирательной системы. Наоборот, результаты парламентских выборов демонстрируют, что новая, «партийно-центристская», система еще не освоена основными игроками: ориентация на региональную поддержку, а также «персонализированный» характер избирательной кампании соответствуют мажоритарному формату, ориентированному в первую очередь на кандидата.

Вместе с тем реформирование политической системы в целом, а в первую очередь переход к парламентско-президентской форме правления, делает партизацию власти востребованной институционально. Если формально умеренная многопартийность уже заложена результатами выборов 2007 г., то становление такой модели в первую очередь будет зависеть от эффективности парламентского большинства, сформированного партиями-победительницами, а также от их способности принять новые институциональные условия, отказавшись от накопления собственных политических бонусов на дестабилизации взаимодействия Президента, Премьер-министра и Парламента.

Таким образом, как в России, так и в Украине четко прослеживаются тенденции к сокращению эффективного количества электоральных партий с каждым новыми парламентскими выборами (Россия: 8,3 – 1993 г.; 8,43 – 1995 г.; 6,53 – 1999 г.; 5,2 – 2003 г.; 2,24 – 2007 г.; Украина: 8;59 – 1998 г.; 7,76 – 2002 г.; 5,42 – 2006 г.; 4,18 – 2007 г.) [1, с. 110]. Уменьшение эффективного количества электоральных партий, после проведения парламентских выборов на пропорциональной основе, свидетельствует о том, что в условиях украинского и российского электорального пространства не срабатывают законы взаимодействия избирательных и партийных систем, сформулированные М. Дюверже:

На основе уменьшения показателя ЭКЭП, мы можем сделать вывод, что избирательные кампании 2007 г. значительно повлияли на дальнейшее развитие партийных систем Украины и России. В России прослеживается тенденция к становлению партийной системы с доминирующей партией, а в Украине – партийная система ограниченного плюрализма.

Причинами сокращения эффективного количества партий можно считать, во-первых, поднятие партийного ценза при голосовании; во-вторых, влияние психологического фактора, когда избиратели прекращают голосовать за мелкие партии, поскольку понимают, что у них нет ни малейших шансов на получение мест в парламенте по партийным списками; в-третьих, улучшение внутрипартийного менеджмента. С другой стороны, парламентские выборы 2007 г. засвидетельствовали, что партии, получившие представительство в парламентах обеих стран, остаются слабым институтом политических систем. Сейчас их влияние не реальную политику ограничено, однако в условиях неразвитых общественных институтов именно ведущие партии с их разветвленными региональными структурами могут сыграть в этом процессе важную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельничук И., Молочко П. Сравнительный анализ фрагментации партийных систем России и Украины в 2003-2007 гг.: основные тенденции и перспективы развития в контексте идейно-политических ориентаций российских и украинских граждан // Без темы. – 2007. – № 2(4). – С. 101-111.

2. Список политических партий в Украине // <http://minjust.gov.ua/0/499>. Дата доступа 10 мая 2010 года.
3. Трансформация российской партийной системы. Лекция Владимира Гельмана // <http://www.polit.ru/lectures/2008/03/14/gelman.html>. Дата просмотра 18 марта 2010 года.
4. Украинская весна: избавление от иллюзий //
5. <http://partyofregions.org.ua/contrprop/behind/443a383a0c6cf>. Дата просмотра 20 марта 2010 года.
6. Україна: Стратегічні пріоритети. Аналітичні оцінки – 2006: Монографія / За ред. О.С. Власюка. – К.: НІСД, 2006. – 576 с.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЫ

И.Э. Надольский, Я.Б. Ярош

Вольнский национальный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина

Провозглашение независимости Украины положило начало формированию украинской политической нации и соответствующей ей политической культуры, предполагающей существование общих для всех регионов и социальных групп политических ценностей, ориентаций и настроений.

За годы независимости наметились определенные положительные тенденции в формировании политической культуры. В Украине формируются общенациональные идеалы и устремления. Это, прежде всего, идея суверенного украинского государства, как формы реализации естественного права народа на политическое самоопределение, идеалы демократического устройства общества, стремление к свободному развитию духовной сферы и удовлетворению материального благополучия людей, ориентация на развитие сотрудничества со всеми государствами мира и др.

В современном украинском обществе происходит одновременно и организованное и самовольное разрушение политико-культурного наследия тоталитарного режима. По своему содержанию и характеру современные процессы в украинской политической культуре – это ее декоммунизация, деруссификация, детоталитаризация, деколонизация [1, с. 26].

Изменения в сознании украинского общества способствуют появлению новых форм политического поведения. Особенностью политического участия в современной Украине стал спонтанно-стихийный, почти нерегулируемый характер действий, противоречивые механизмы политического влияния, противоречия интересов больших и малых социальных групп. Становление правовых форм политического участия в стране усложняется отсутствием устойчивых традиций политического плюрализма, выступающего больше в виде плюрализма отрицания чужих взглядов и позиций вместо утверждения своих собственных. Это вносит в политический процесс агрессивные формы политического участия, враждебность. В общественном сознании сталкиваются идеи волюнтаризма, тоталитаризма, авторитаризма и демократии. Согласовать эти процессы, придать определенное направление политическому участию в таких условиях очень сложно. В последнее время в Украине существует тенденция преобразования политического участия в механизм компенсации личных проблем и неудач, дополнительный канал самореализации [2, с. 62].